И.А. РЯЗАНОВСКИЙ: ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

Едошина И.А.

Костромской государственный университет

Статья посвящена 150-летию со дня рождения И.А. Рязановского, первого директора Костромского музея, археолога, краеведа, знатока древностей, коллекционера. В статье (на основе опубликованных материалов) дается биографическая канва жизни Рязановского, отмечаются наиболее существенные черты его личности. Акцентируются встречи, творческое общение Рязановского с известными исследователями и писателями. Среди писателей специальное внимание уделяется М.М. Пришвину, в частности, приводятся дневниковые записи Пришвина, связанные с Рязановским, даются (впервые) подробные комментарии.

Ключевые слова: И.А. Рязановский, биография, творческий и писательский контексты, М.М. Пришвин, дневник

I.A. RYAZANOVSKY: STROKES TO THE BIOGRAPHY

Irina A. Yedoshina

The article is dedicated to the 150th anniversary of I.A. Ryazanovsky, the first director of the Kostroma Museum, archeologist, local scientist, antiquities expert, collector. The article (on the basis of published materials) gives a biographical description of Ryazanovsky's life, noting the most significant features of his personality. Meetings, creative interaction of Ryazanovsky with well-known researchers and writers are emphasized. Among writers special attention is paid to M.M. Prishvin, in particular, the author quotes (which nobody has done before) and gives comments fragments of Prishvin's diaries related to Ryazanovsky.

Keywords: I.A. Ryazanovsky, biography, creative and writing contexts, M.M. Prishvin, diary

В этом, 2019, году 6 августа по старому стилю исполнилось 150 лет со дня рождения Ивана Александровича Рязановского. Его графический портрет, выполненный Борисом Кустодиевым в 1914 году, хранится в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее. На рисунке художник словно застает Рязановского за его любимым делом: сидя в большом удобном кресле, он внимательно разглядывает печатную доску, возможно, из своей коллекции. Будучи хорошо знакомым с Рязановским, не раз бывая у него в гостях, Кустодиев видел в Рязановском подлинного знатока древностей. Увы,

© Едошина И.А., 2020

сегодня имя Рязановского известно только узкому кругу людей, живо интересующихся историей культуры костромского края, да некоторым исследователям. Между тем, Рязановский был замечательным (может быть, даже характерным) представителем русской культуры конца XIX – начала XX века в целом, а не только земли костромской.

Для начала в самых общих чертах – жизненный путь нашего героя. Его предки со стороны матери, Любови Ивановны Нечай, были дворянами, а со стороны отца – из духовного сословия. Отец Рязановского – Александр Андреевич Рязановский – покинул духовную стезю, за что был проклят своим отцом-священником. Однако проклятие это не помешало ему вполне успешно продвигаться по чиновнической лестнице. Таков был в России XIX век с его полным равнодушием (в лучшем случае) к вопросам веры в образованной части общества. Веру, Церковь оставляли «непросвещенному» простонародью и «попам», из среды которых странным образом немало революционеров вышло. Некоторое отрезвление случится в начале XX века, когда в образованном обществе вдруг зародится интерес к христианству, но и этот интерес, по меткому слову Василия Розанова, *снесут в академию,* то есть будут просто рассуждать о вере на заседаниях в столичных философско-религиозных обществах и собраниях. Принимал в них участие и Рязановский.

А вот повернуться к вере многих заставят октябрьский переворот и последовавшая большевистская кровавая деспотия. Напомню показательный в этом отношении финал «Окаянных дней» (1920) И.А. Бунина: «Сейчас опять идем в архиерейский сад … единственное чистое, тихое место во всем городе. Вид оттуда необыкновенно печальный, вполне мертвая страна. ...Часто заходим и в церковь, и всякий раз с восторгом до слез охватывает пение, поклоны священнослужителей, каждение, все это благолепие, пристойность, мир всего того благого и милосердного, где с такой нежностью утешается, облегчается всякое земное страдание. И подумать только, что прежде люди той среды, к которой и я отчасти принадлежал, бывали в церкви

только на похоронах! … И в церкви была все время одна мысль, одна мечта: выйти на паперть покурить»[2, с. 174, 175]. Но вернусь к нашему герою.

Единственный сын Любови и Александра Рязановских, Иван Александрович Рязановский, родился 6 августа 1869 года в городе Варнавин Варнавинского уезда Костромской губернии. Место это было непростое, с историей.

В 1417 году преподобный Варнава Ветлужский, монах из Великого Устюга, основал здесь пустынь, постепенно выросшую в Троице-Варнавинский мужской монастырь. И как повелось на Руси, вокруг этого монастыря образовалось поселение. Однако в 1764 году монастырь в Варнавино по своей маломощности был закрыт, село получило именование Варнавина пустынь. По указу Екатерины II, в 1778 году село, в котором проживало в то время 50 человек, реорганизовано в уездный город Варнавин Костромского наместничества.

С другой стороны, Варнавинский уезд был традиционно раскольничьим местом. Сюда, в удаленные места, бежали приверженцы старой, дониконовой, веры, унося с собой старые иконы и книги. Возможно, что в детские годы И.А. Рязановскому довелось их видеть, возможно, живой интерес к старине зарождался именно в общении со старообрядцами.

Наконец, значимым фактом в формировании личности И.А. Рязановского оказалось знакомство его отца с высланными в результате подавления польского восстания 1863–1864 годов ксендзами. Они, часто бывая в гостях у семьи Рязановских, помогли юному Ивану Рязановскому в изучении древних и новых европейских языков.

Гимназическое образование И.А. Рязановский получал сначала в Нижнем Новгороде, а затем в Костроме. Недолгое время он учился на медицинском факультете Императорского Московского университета, принял участие в противоправительственных выступлениях, был арестован, тяжело пережил все случившееся: нервный срыв, навсегда оставшиеся физические последствия – хромота. Затем Рязановский учился в Ярославском Демидовском юридическом лицее, далее – чиновная служба в Ярославском акцизном управлении. Работа его была связана с постоянными разъездами, что при его состоянии здоровья приносило немало беспокойства. При первой же возможности он переходит на службу в Костромской Окружной суд. Наконец, в 1906 году по состоянию здоровья выходит в отставку и уезжает в Петербург.

Здесь он знакомится с писательским миром, начинает трудиться в газетах, постоянно курсирует между Петербургом и Москвой, где прослушивает полные курсы Археологических институтов, где знакомится со многими деятелями культуры [подробнее см.: 3]. Постепенно Рязановский становится профессиональным исследователем древностей и коллекционером.

В Костроме он войдет в состав губернской ученой архивной комиссии, примет участие в деятельности Костромского научного общества, созданного в 1912 году, займется изучением костромских деревянных резных досок. В результате в течение 1912–1915 годов издаст несколько выпусков с оттисками этих досок, а в 1914 году у него выйдет специальный выпуск, посвященный ярославским деревянным резным доскам. Как заметила в нашем частном разговоре, Светлана Сергеевна Каткова, никто до сих пор лучше не издал и не написал. Это к тому, что исследовательское наследие Рязановского невелико. К названному можно еще прибавить составленный им «Путеводитель по Романовскому музею в Костроме» (1912). Вот, собственно, и все наследие. Но ведь дело не в количестве, а в качестве, с этой точки зрения, труды Рязановского, как свидетельствуют специалисты, безупречны.

Видимо, не публикация собственных мыслей занимала Рязановского, иное неудержимо влекло к себе: собирание, изучение древностей, что ему вполне удается. Свою богатейшую коллекцию он хранил в собственном доме, доставшемся от отца жены Рязановского – Александры Петровны Рязановской, урожд. Звездкиной (1880–1973). Это была городская усадьба священника Звездкина на Константиновской (Царевской) улице (сегодня проспект Текстильщиков). Сюда он и уедет в 1908 году. Уедет, но все время будет разъезжать между Костромой и Варнавином, Москвой и Петербургом. Кострома влечет его как место, куда он привозит приобретенные ценности. Рязановский не был просто собирателем, он хорошо знал историю предметов своей коллекции, внимательно изучал каждую приобретенную вещь. Постепенно стал подлинным знатоком, к которому обращались разные люди, в том числе исследователи.

Так, в июне 1908 года он оказывает помощь Н.В. Покровскому, директору Петербургского Императорского Археологического института в поисках предметов древности, о чем тот затем напишет в своей статье. «…в июне 1908 г. я отправился в Кострому, и здесь в продолжении 10 дней, в компании с… местным старожилом И.А. Рязановским… осмотрели все предметы старины почти во всех Костромских церквах и наметили предметы для фотографирования. Оказалось, что в каждой из Костромских церквей имеются те или другие предметы старины» [8].

В 1909 году, с 21 по 30 июня, в Костроме проходит IV Областной историко-археологический съезд. Владислав Лукомский, побывавший на съезде и отметивший не слишком высокий уровень прозвучавших докладов, пишет: «Следует также упомянуть о выставке при съезде, заботливо устроенной местною ученою архивною комиссиею. … Интересны витрины с собранием И.А. Рязановского – набоек, печатных досок, резных вальков и тканей…» [4, с. 487]. Тогда же был издан Каталог выставки.

В 1909 году Рязановский вынужденно вернется на службу в качестве секретаря Костромского губернского присутствия, пробыв в этой должности до осени 1912 года и выйдя окончательно уже на пенсию. В этом же году он поделится своими познаниями с Георгием Лукомским, одним из авторов будущей книги о памятниках Костромы. Как замечает Л.И. Сизинцева, без Рязановского Лукомскому «половины жизни не хватило бы для выяснения времени создания и истории зданий, имен владельцев, житейских подробностей, которые так украсили текст» [19, с. 429]. Свою благодарность Рязановскому Георгий Лукомский выразит в Предисловии к книге, назвав его имя следом за бывшим Костромским губернатором П.П. Шиловским.

Рязановский начинает активно заниматься вопросами устройства в Костроме музея, фундамент которого был заложен во время проведения Археологического съезда. Изначально музей задумывался как Романовский, посвященный истории царствующей династии. В качестве ученого секретаря Костромской губернской ученой архивной комиссии Рязановский ездил в ко-

мандировки, разыскивая нужные для будущей экспозиции сведения и предметы.

Здание Романовского музея, автором которого был городской архитектор Н.И. Горлицын, строилось в 1909–1913 годах. К дням празднования 300-летия Дома Романовых строительство было завершено. Санкт-Петербургская газета «Новое Время» от 2 января 1913 года сообщала: «В Костроме освящен грандиозный Романовский музей в память трехсотлетнего царствования Дома Романовых». В Рязановском облик музея в условном русском стиле сочувствия не вызвал. Это здание и в самом деле тяжеловато приплющено к земле, но в целом соответствует общему веянию времени, вписываясь в стилистику модерна, правда, в его провинциальном изводе.

В создании экспозиции музея принимал участие не только Рязановский, но и его супруга. За свою работу оба были отмечены наградами: золотые часы, орден Станислава III степени. Рязановский стал первым директором Романовского музея, специально подчеркивал свою главенствующую роль в создании экспозиции. В костромском краеведении это утверждение относительно экспозиции корректируется: «Кроме него, за устройство музея отвечал чиновник особых поручений при губернаторе, принятый на эту должность специально… Н.Н. Виноградов» [20, с. 32]. Из далее приводящейся справки можно узнать, что Н.Н. Виноградов был связан с музейным делом, но из этой же справки никак не видно человека-знатока древностей, каковым был на тот момент Рязановский. Хорошо знавший Рязановского и бывавший у него в Костроме писатель А.М. Ремизов в «Неуемном бубне» (1910) представил своего костромского знакомца под именем Бориса Зимарева, обладавшего редкой способностью верно и точно определять древности. Думаю, именно эти знания выделяли Рязановского среди его коллег, почему он и видел в себе создателя экспозиции.

Хотя судьбы Рязановского и Виноградова в чем-то схожи: оба по отцам из духовного звания, но есть и разница, которая заключается в том, что Виноградов был человеком верующим,

принял сан уже при большевиках, потом вынужденно отрекся, попытался вписаться в новую жизнь. Но большевики не могли простить Виноградову его труд «Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 1920 мая 1913 года» (1914), где, например, читаем: «*Сердечно благодарю всех за Меня Мою Семью помоливших*ся*; с отрадою вспоминаем Наше пребывание в родной Костроме. Николай.* Эти незабвенные, золотые слова ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА останутся навсегда начертанными в сердцах всех беззаветно и искренно преданных ЕМУ Костромичей» [9, с. 211]. Жизнь Николая Николаевича Виноградова была омрачена сначала арестами, тюрьмами, а в итоге – расстрелом в 1938 году. Возможно, и Рязановского ждала такая же участь. Но вернусь к иным временам, чтобы увидеть Рязановского сквозь призму его восприятия М.М. Пришвиным.

Их знакомство относится 19071908 годам в Петербурге. Во всяком случае, в письме к А.М. Ремизову от 3 января 1909 года Пришвин пишет о Рязановском как о давно знакомом ему человеке [7, с. 167].

Встречается Рязановский на страницах дневниковых записей Пришвина. В 1908 году 7 октября Пришвин записывает, что А.М. Ремизов мечтает оказаться среди членов Религиозно-философского общества (1907–1917), о котором Пришвин ему рассказал, и Ремизов «растаял» от его рассказа. И далее сообщает, что пойдет с Рязановским к Мережковским на следующий день, чтобы узнать «поближе “цикл идей”»[10, с 176]. В отличие от Рязановского это знакомство не вызывает в Пришвине особого сочувствия. Потому появляется запись от 14 ноября 1908 года: «Стиль Ивана Алекс[андровича Рязановского. – *И.Е.*]… фетишизм»[10, с. 187]. А поклоняется он Двум висящим возле него фалдам. Видимо, так Пришвин именует Зинаиду и Дмитрия Мережковских, которые всегда особое внимание уделяли новичкам родом из глубинки России, вызывая в них ответные чувства. Тем не менее, под влиянием рассказов Рязановского и Мережковского о Светлояре Пришвин совершит в 1909 году путешествие на

Светло озеро. Вышедшую в этом же году в Москве книгу «У стен града невидимого» Пришвин посвятит Рязановскому, как человеку, подвигшему его к этому путешествию. Позднее Пришвин причислит Рязановского к декадентам [13, с. 341].

6 декабря 1908 года Пришвин пишет: «Хлыстовство идет от шаманизма, христианство от идеи (обратные пути – мнение Ивана Александровича Рязановского)» [10, с. 195]. Это краткое замечание свидетельствует о философическом складе ума Рязановского, его умении быстро схватить самое главное, сущностное. Действительно, христианство это не идея, это иное – историческое предание, облеченное в реальные события. Обратный идее путь. Однако не все было так просто.

10 марта 1909 года Пришвин записывает свои впечатления от заседания Религиозно-философского общества, замечая, что в Рязановском вызывает отвращение народное лукавство просвещенного человека [10, с. 210]. Речь идет о впечатлениях, полученных во время чтения В.А. Тернавцевым доклада «Империя и христианство». Основная мысль в докладе Тернавцева связана с пробуждением религиозного сознания в современной ему интеллигенции, связанное с угасанием интереса к позитивизму, из чего следует, что личная, общественная и государственная «безрелигиозность» являются источником зол. Более всего зло это проявляется на государственном уровне, потому доклад свой Тернавцев сосредоточивает на отношениях Христианства к Империи в историко-культурном аспекте, отстаивая значимость этих отношений для русской государственности [21].

Пояснением реакции Рязановского на доклад Тернавцева может служить запись Пришвина в дневнике, без года, но с числом – 25 июля. «Иван Александрович [Рязановский] и два попа. Один черный, порывистый в движениях, гласит примитивную правду… Другой белый, с тонкими губами, маленькими глазками, умный в житейском и приличный, но в умственном правды не знает и врет. Один чует правду, но прост и в простоте правдив, другой, хотя и более умный, ничего не знает. Разговоры о вере, о непроходимой пропасти между церковью и интеллигенцией.

…Для Ивана Александровича величайшее наслаждение говорить с попами, представляя, что вот он уже у них под бородой, и все-таки нет …Отдать-то нечего! … “Дед мой священник, отец отступник, служит сын, не имеет традиции – все пусто и отдавать нечего”. А я для архиерея нарисовал древо родословное от Петра Великого с сучками и листиками, и все дьячки, дьяконы, попы. Попы решают, что И.А. близок им… а у него как вынуто – что ему отдавать, когда воли нет и все равно – перейти в католичество, православие… основы нет для Бога» [10, с. 240]. Конечно, для человека без Бога, каковым, видимо, был Рязановский, как впрочем, и Пришвин, любые разговоры на этот предмет не имеют смысла, ибо нет основы. Потому-то, например, Соловецкий монастырь вызовет в Пришвине (правда, уже в советское время) ассоциации с гробом.

12 марта 1909 года Пришвин в гостях у Рязановского, они рассуждают о символизме [10, с. 211]. К сожалению, что думал на этот предмет Рязановский, никак Пришвиным не отмечено. Но позднее он вспомнит один эпизод: «…Рязановский… прочитав мою первую книгу, сказал: Вы, конечно, не натуралист, вы символист. В действительности ваш помор и вонючий и грязный, но какой он у вас. – Слова его тогда пронзили меня, как стрела, и я долго болел душой, отстаивая действительность своего помора. И я был прав, а не Рязановский» [17, с. 167]. Здесь речь идет о первой книге Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907), где старик-помор из старообрядцев Григорий Андрианов строго блюдет жизнь по правилам, уходящими корнями в глубокую старину, но для него эта старина не мертвая, а живая, пронизанная глубоким и столь же живым религиозным чувством. Именно это более всего поразило Пришвина. Он все видел собственными глазами, ничего не придумывал, просто описал, а Рязановский не поверил, сославшись на символ.

Ему, как и Рязановскому, самая природа символа, когда, по свящ. П.А. Флоренскому, символ свидетельство горнего мира является человеку, а не придумывается им, чужда. Для них символ это всего лишь один из приемов творческого мышления. Хотя

Пришвин как человек с художественным чутьем догадывался о какой-то скрытой от него части бытия. Потому пишет о себе, что он «из природы в метафизику», потому приходит к декадентам (и Рязановский тоже), которых часто называли еще и символистами. Но ни тот, ни другой не стали своими среди декадентов. Может быть, не без этой причины Пришвин видел в Рязановском и в себе неудачников[15, с. 370].

28 декабря 1909 года Пришвин записывает: «Рязановский. Кострома, Вознесенская улица, д. 45, кв. 1 (против Троицкой церкви)» [10, с. 415]. Трудно сказать, что имел в виду Пришвин под этим адресом. Вряд ли это как-то связано с местом проживания Рязановского, имевшего в Костроме собственный дом. Но упоминаемое место имеет свою историю.

Улица Вознесенская одна из старейших в Костроме, ее формирование относится к XIII веку. На этой улице располагался один из лучших костромских храмов середины XVII века – Троицкая церковь, четверик этой церкви завершался пирамидой кокошников с пятиглавием, рядом стояла шатровая колокольня, в XVIII веке недалеко поставили небольшой зимний храм. При большевиках в 1935 году храмы снесли, улицу обозвали Комсомольской и установили памятник Новикову, автор бюста – классик совскульптуры Вучетич. Дом же сохранился: это одноэтажное здание в стиле позднего классицизма. Сооружен в 1837 году Нагоровым, позднее принадлежал Масленникову [подробнее см.: 6, с. 40–42, 57–58].

В записи от 5 сентября 1915 года. Пришвин горестно размышляет о развороченной жизни, наполненной беженцами: Россия вдруг пришла в какое-то общее, никем не направляемое движение на фоне идущей войны. Всюду следы разрухи, голод и холод. Пришвин пишет: «Выход из необъяснимого – Италия! (У Рязановского: Эллада), вообще признание ценности жизни» [11, с. 196]. Это замечание вполне в духе времени: творческие люди искали и находили в древности ответы на свои вопросы [5]. Если Рязановский был поклонником Эллады, значит, в нем был развит культ той особой соразмерности, что был свойствен древнегреческой культуре. Греки именовали эту соразмерность калокагатией, неразрывным единством внутреннего и внешнего. Если, например, перевести эту идею на собираемые Рязановским

печатные деревянные пряничные доски, то следует, что пряник вкусен потому красив, а красив потому, что вкусен.

25 марта 1921 года Пришвин записывает: «Вспоминал И. Рязановского: “провинциален”, обмозгованное сладострастие; как его всего, весь сундук мудрости и всего накопленного в Петербурге разобрали литераторы» [12, с. 152].

Отмеченную Пришвиным *провинциальность* Рязановского поясняют строки из автобиографической «книги узлов и закрут» А.М. Ремизова под названием «Подстриженными глазами» (впервые опубл. 1951), где он пишет, что незаметным и нетитулованным Рязановский был только в «иностранном» Петербурге [18, с. 133]. Из этой записи следует, что Рязановский не был человеком, который непременно хотел быть заметным, значимым в любой обстановке. В Петербурге он впитывал то, чего ему недоставало, впитывал не безразлично для себя самого, для своего внутреннего, не внешнего бытия. Столичное корректировалось провинциальным и наоборот, создавая особенный (уникальный) синтез знаний. Потому-то к нему ездили из столиц Ремизов, Пришвин, Кустодиев.

В чем суть *обмозгованного сладострастия* Рязановского, поясняет опять-таки Ремизов: в его Обезволпале за аскетизм Рязановский имел звание «блудоборец окаянный» [1, с. 293]. Рязановский с женой был всегда на «Вы» и по имени-отчеству, их единственный ребенок воспитывался не у них в доме. Да и сам он был «сухонький, маленький, волос на голове совсем нет», «тишайший скромник» [1, с. 298]. Пришвин относит семью Рязановских в пределах видимости к тем семьям, где «жизнь текла гладко и образцово, только, вероятно, это была не жизнь, не быт» [12, с. 98]. Много позднее эта мысль еще раз прозвучит в воспоминаниях Пришвина о том, что Рязановский советовал ему отдать жену «в пансион для обучения внешним приемам» [16, с. 624–625]. Приведенные свидетельства характеризуют главную особенность семьи Рязановских: соблюдение внешних приличий всегда и во всем, даже наедине. Отсюда этот образ – «обмозгованное сладострастие».

А вот относительно разобранного петербургскими литераторами сундука мудрости Рязановского есть любопытные записи Пришвина. С одной стороны, он относит рассказы Рязановского к разряду *неудержимых душевных поносов*, рожденных *недостатком общества* [17, с. 281], с другой – приводит следующий весьма показательный эпизод: «Мне помнится, в начале моих литературных занятий, когда Ремизов брал материалы у Рязановского для своей повести "Неуемный бубен", и мы поздно ночью шли с ним домой, он сказал мне что-то вроде этого: "Вы говорите о жизни, но ведь там нет ничего, все мы делаем". Помню, каким ужасом повеяло мне от этих слов, и как смутно стало на душе, и даже злобно к кому-то (я думаю, что злоба была к самому Ремизову, который брал материалы у Рязановского и это считал ни за что)» [14, с. 378]. Повесть «Неуемный бубен» написан Ремизовым на костромских материалах, предоставленных ему Рязановским, в тексте воспроизведены многие достопримечательности Костромы начала XX века. Со слов вдовы Рязановского В.Н. Бочковым выявлены прототипы героев повести. Злобу Пришвина на слова Ремизова вряд ли имеет смысл пояснять. Отклик же его на «Неуемный бубен» был таков: «Прочел два раза "Неуемный бубен". Впечатление осталось какое-то особенное, при чтении не очень завлекает, как-то туговато читается, кое-что кажется лишним, но в общем после чтения, знаете, как выйдешь на улицу из картинной галереи, все вокруг (быт) расположится живописно; это при моей оценке прочитанного имеет большое значение» [7, с. 178]. Как видим, общение Ремизова с Рязановским дало хороший результат. Есть у Ремизова и еще одна книга, написанная под впечатлением рассказов и документов из собрания Рязановского, «Пятая язва» (1912). Ремизов всегда высоко ценил Рязановского, видел в нем носителя «изустного слова», сыгравшего значимую роль в возрождении «русской прозы».

После октябрьского переворота жизнь Рязановского была трудной, полной лишений и невзгод, приходилось из-за уплотнения расставаться с коллекцией, которую он постепенно передавал музею местного края (в тот самый, к созданию которого имел

прямое отношение). Устроился на работу в Губернское архивное бюро, расположившееся в Богоявленском монастыре. Что чувствовал он, приходя в разоренный большевиками храм, со стен которого на него смотрели еще не сожженные будущим пожаром лики святых? Разбирая архивные документы, не казался ли он самому себе живым аналогом собранным в архиве древностям? Скорее всего, только здесь он и чувствовал себя самим собой. Иван Александрович Рязановский умрет, не дожив до 58 лет.

Конечно, Пришвин не мог не откликнуться на смерть человека, которого знал долгие годы, к которому не раз приезжал в Кострому. 3 апреля 1927 года он делает короткую сухую запись в дневнике: «Пришла Т. В-а (Татьяна Васильевна Розанова, дочь писателя В.В. Розанова. – *И.Е.*) и принесла печальную весть: умер Ив. Алекс. Рязановский 30-го Марта от астмы. Написать жене»[14, с. 241].

Иван Александрович Рязановский был похоронен в Костроме. Ни могилы, ни кладбища не сохранилось… А дом, в котором он жил, дом, чьи стены помнят Блока, Кустодиева, Ремизова, Пришвина, хотя отмечен памятной (убогой по исполнению) доской, не стал культурным достоянием земли костромской и тихо разрушается…

Список литературы

1. *Бочков В.Н.* Кострома Алексея Ремизова // Бочков В.Н. «Скажи: которая Татьяна?»: Образы и прототипы в русской литературе. М.: Современник, 1990. С. 290–298.

2. *Бунин И.А.* Окаянные дни. Репринт (Берлин: Петрополис, 1935). М.: Советский писатель, 1990. 175 с.

3. *Жукова Л.* «Дорогому Ивану Александровичу…» // Костромская старина. 1998. № 1011. С. 64–67.

4. *Лукомский В.* Историко-архивный съезд в Костроме // Старые годы. 1909. Июль – Сентябрь. С. 487–488.

5. Переписка В.В. Розанова и П.А. Флоренского // Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Книга вторая / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 9–412.

6. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. 1. Г. Кострома. Часть вторая / под общ. ред. В.Б. Корозина. Кострома, 1997. 310 с.

7. Письма М.М. Пришвина к А.М. Ремизову. Вступ. статья, подгот. текста и прим. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 157–209.

8. *Покровский Н.В.* Памятники церковной старины в Костроме. СПб.: Синодальная типография, 1909 / Электронный ресурс https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Pokrovskij/pamjatniki-tserkovnoj-stariny-v-kostrome (дата обращения 17.11.2019).

9. Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 1920 мая 1913 года. Изд. Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Составил Член Совета Комиссии Н.Н. Виноградов. Репринт (Кострома, 1914). Кострома, 1993. 231 с.

10. *Пришвин М.М.* Ранний дневник. 1905–1913 // подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной. СПб.: Росток, 2007. 800 с.

11. *Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917 / предисл. В.Д. Пришвиной; подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; комм. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина. М.: Московский рабочий, 1991. 432 с.

12. *Пришвин М.М.* Дневники. Книга третья. Дневники 1920–1922 гг. / подгот. текста Л.А. Рязановой; коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина. М.: Московский рабочий, 1995. 334 с.

13. *Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. Книга четвертая / подгот. текста Л.А. Рязановой; коммент. Я.З. Гришиной и Н.Г. Полтавцевой. М.: Русская книга, 1999. 416 с.

14. *Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927. Книга пятая / подгот. текста Л.А. Рязановой; коммент. Я.З. Гришиной и Л.А. Рязановой. М.: Русская книга, 2003. 592 с.

15. *Пришвин М.М.* Дневники. 1928–1929. Книга шестая / подгот. текста Л.А. Рязановой; коммент. Я.З. Гришиной и Л.А. Рязановой. М.: Русская книга, 2004. 544 с.

16. *Пришвин М.М.* Дневники. 1940–1941 / подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой, Л.А. Рязановой; вступ. статья, коммент. Я.З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. 880 с.

17. *Пришвин М.М.* Дневники. 1944–1945 / подгот. текста Я.З. Гришиной, Л.А. Рязановой; статья и коммент. Я.З. Гришиной. М.: Новый Хронограф, 2013. 944 с.

18. *Ремизов А.М.* Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут моей памяти // Ремизов А.М. Собрание сочинений (продолж.) Т. 8. Иверень / гл. ред. А.М. Грачева. М.: Русская книга, 2000. С. 52–64.

19. *Сизинцева Л.И.* Обаяние провинции. О книге В.К. и Г.К. Лукомских «Кострома» // Лукомские В.К. и Г.К. Кострома. Исторический очерк и описание памятников художественной старины. Репринт изд. 1913 г. / послесл. и примеч. Л.И. Сизинцевой. М.: Прогресс-Плеяда, 2002. С. 416–468.

20. Сто лет служения музею / сост., предисл., вступ. статья И.С. Наградова. Кострома: Костромаиздат, 2014. 194 с.

21. *Тернавцев В.А.* Империя и Христианство // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: в 3 т. / сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростылева. Т. 1. М.: Русский путь, 2009. С. 521–550.

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ПРИНАДЛЕЖАВШИХ И.А. РЯЗАНОВСКОМУ

Попова И.И.

Государственный архив Костромской области, г. Кострома

Цель статьи – проследить основные этапы формирования архивного фонда личного происхождения «Рязановский Иван Александрович (1869–1927). Краевед, правитель дел Костромской губернской ученой архивной комиссии» (Р-107), имеющегося на хранении в Государственном архиве Костромской области: поступление первых документов в 1918 г., пополнение фонда в начале 1960-х гг. и его переработка в 1990-х гг.

Ключевые слова: архивные документы И.А. Рязановского, формирование фонда, А.П. Рязановская, В.Н. Бочков, письма

TO THE QUESTION OF THE HISTORY OF ARCHIVAL DOCUMENTS BELONGED TO I.A. RYAZANOVSKIY.

Popova I.I.

The purpose of the article is to trace the main stages of development of archival fond of personal provenance of Ivan Ryazanovskiy which is now placed in the State Archive of Kostroma region: first documents accession in 1918, addition in the early 1960-s and updating in 1990-s.

Keywords: archive of Ivan Ryazanovskiy, development of archive, Aleksandra Ryazanovskaya, Viktor Bochkov, letters

© Попова И.И., 2020